

Христианин и закон (7:1–14)

Дэвид Ропер

Как мы уже отмечали, Рим. 6 говорит об отношении христианина к греху, а Рим. 7—о его отношении к закону. Комментируя главу 7, Джон Стотт пишет, что «“закон” или “заповедь” упоминаются во всех первых четырнадцати стихах главы и около тридцати пяти раз во всём отрывке, начиная с 7:1 и заканчивая 8:4». Сказанное апостолом можно применить к закону вообще, но в центр своего внимания Павел ставит закон Моисея (см. 7:7).

Закон Моисея иудеи считали «самым высшим даром Божьим». Царь Давид писал: «Закон Господа совершенен, укрепляет душу; откровение Господа верно, умудряет простых» (Пс. 18:8). Однако в письме к римлянам о законе Павел говорит так:

...делами закона не оправдается перед Ним никакая плоть (3:20a).

...закон производит гнев (4:15a).

Закон же пришёл после, и таким образом умножилось преступление (5:20a).

...вы не под законом, но под благодатью (6:14).

Иудейским читателям Павла, наверное, казалось, что Павел отвергает величайший дар Бога. Пришло время Павлу развить и прояснить

свои высказывания о законе. Это он делает в главе 7.

В этом уроке мы снова прочитаем ключевые фразы в стихах 1–6. Затем мы сосредоточим своё внимание на стихах 7–14. А после разбора текста мы отнесём высказанные мысли к сегодняшним христианам.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ

В каких отношениях христианин находится с законом?

Главу 7 Павел начинает с утверждения, что «закон имеет власть над человеком, пока он жив» (ст. 1б). Свою мысль он проиллюстрировал браком: женщина связана законом со своим мужем, пока он жив, но если он умирает, она «освобождается» и может выйти замуж за другого на законных основаниях (ст. 2, 3). Леон Моррис считает, что греческое слово *катаргео*, в переводе «освобождается», несёт большую смысловую нагрузку, означая «окончательно и бесповоротно потерять законную силу».

А вот вывод, сделанный Павлом: «Так и вы, братья мои, умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мёртвых...» (ст. 4). Это первое крупное высказывание Павла о том, в каких отношениях мы находимся с законом Моисея: мы «умерли для закона телом Христовым». Эта «смерть»

произошла, когда наша вера привела нас к тому, что мы «в смерть Его крестились» (ст. 6:3).

Далее Павел говорит, какой была наша жизнь до того, как мы умерли для закона: «Ибо, когда мы жили по плоти, тогда страсти греховные, обнаруживаемые законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти» (7:5). В прошлом уроке мы уже отмечали, что в других переводах (см. ВП, МБО, РБО, СЕО) говорится, что закон «пробуждал/возбуждал/вызывал/подстёгивал» в нас греховные желания. Пробуждать греховные желания не было *целью* закона. Его целью было обнаруживать грех, дав ему определение, а также вселять в людей желание изгнать грех из своей жизни. Тем не менее, одним *результатом* закона было то, что он порождал греховные страсти. В стихах 8–13 Павел на своём примере показывает, как закон произвёл в его сердце «всякого рода желания того, что не подобает» (СП).

Как закон пробуждал грех? Вот несколько мыслей на этот счёт (пусть и частично совпадающих). Во-первых, закон привлекал внимание к греху. Если я скажу вам: «*Не* думайте о слоне», то вы тут же подумаете о нём. Вы могли много дней, недель или даже лет не думать о слоне, но как только я скажу: «*Не* думайте о слоне», он тут же предстанет в вашем воображении. Я читал о человеке, который возражал против вывески с Десятью заповедями. Он говорил: «Они вызывают в умах людей слишком много идей». Божье Слово полезно всегда держать перед глазами (см. Иез. 37:20), но этот человек, возможно, был прав, говоря, что «запретительные» заповеди порождают в головах некоторых людей «идеи».

Во-вторых, запрет может сделать запрещённое в какой-то степени привлекательным. Когда мы видим знак «Проход закрыт», нам становится любопытно, почему для нас этот «проход закрыт». Этот знак часто вывешивают для того, чтобы защитить нас от опасности, но мы начинаем думать, а не скрывается ли за этим знаком что-нибудь эдакое, лакомое, и кто-то не хочет, чтобы оно у нас было. Классический пример—Божий запрет не есть от дерева познания добра и зла (Быт. 2:16, 17; 3:1–5).

В-третьих, когда нам велится *не* делать чего-то, у многих из нас это вызывает упрямство, заставляющее нас *захотеть* сделать именно это. Может, до того у нас и не было такого желания, но как только мы слышим запрет, оно тут же появляется. Возьмите, к примеру, знак «Окрашено. Не трогать». Наверное, никому не было интересно потрогать окрашенный объект до того, как был вывешен этот знак, но как

только люди видят его, на свежей краске тут же начинают появляться отпечатки пальцев.

И, наконец, некоторых людей возбуждает, придаёт им ощущение силы желание воспротивиться власти. Когда женщина лёгкого поведения из Притчей соблазняла юношей, она шептала: «Воды краденые сладки» (Прит. 9:17а). Если бы не было власти, не было бы и непокорных; поэтому в некотором смысле можно сказать, что власть «пробуждает» непокорность.

Зная эти человеческие склонности, Павел говорит, что, «когда мы жили по своей человеческой природе, то закон пробуждал в нас греховные желания» (Рим. 7:5а; МБО). «Теперь же,—продолжает он,—мы были освобождены от закона» (ст. 6а). Слово «освобождены»—то же, что и в стихе 2, где речь шла о женщине, которая «освобождается» от брачных уз после смерти своего мужа. Это слово указывает на то, что прежние отношения «потеряли законную силу».

Павел говорит: «*Умерев* для закона, которым были связаны, мы освободились от него» (ст. 6а, б; выделено мной—Д.Р.). Люди «были связаны» законом Моисея. Этот закон Пётр назвал «иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы» (Деян. 15:10). Когда и как люди умерли для этого тяжкого «ига»? Согласно стиху 4, они «умерли для закона [распятым] телом Христовым» (Рим. 7:4). Как подчёркивалось в нашем предыдущем уроке, тогда они освободились, чтобы стать частью невесты Христовой, то есть церкви.

Означает ли это, что закон плох?

Павел вполне осознавал, что некоторых, особенно иудейских читателей, его слова приведут в недоумение. Поэтому он поспешил объяснить и расширить то, что сказал о законе. Он снова прибегает к форме «вопрос-ответ» и начинает с такого вопроса: «Что же скажем? Неужели от закона грех?» (ст. 7а). В главе 6 несколько раз говорится, что читатели *умерли для греха* (ст. 2, 7, 11). А в главе 7 дважды сказано, что они *умерли для закона* (ст. 4, 6). Так что же, Павел ставит знак равенства между «грехом» и «законом»? Его реакция на такую мысль молниеносна и эмоциональна: «Никак» (ст. 7б), или, как сказано в РБО, «Ни в коем случае!»

Затем он начинает объяснять, что закон—это не грех и сам по себе не производит грех. Он только *обнаруживает* грех. Павел говорит: «Но я не иначе узнал грех, как посредством закона» (ст. 7в). Ранее он заявлял: «...законом познаётся грех» (3:20).

Отметьте переход от множественного числа

(ст. 7а) к единственному, «я» (ст. 7в). С этого момента и до конца главы апостол в основном использует единственное число первого лица («я»). Его высказывания глубоко личные.

Глава 7 Послания к римлянам вызывает небольшие споры, по большей части вращающиеся вокруг местоимения «я». Несколько изменив вопрос евноуха, мы спрашиваем: «О ком это Павел говорит? О себе или о ком другом?» (см. Деян. 8:34). Моррис полагает, что «совершенно невозможно отрицать, что всё, что Павел говорит, он говорит о себе. В этой главе он всё время употребляет местоимение первого лица единственного числа, хотя не делал этого с самого начала своего письма». Самый простой, естественный и очевидный способ толкования языка Павла—это рассматривать его как пример из личного опыта.¹ Это не исключает возможность того, что он имеет в виду также и других людей. Что было типично для него, могло быть типично и для других.

Допустим, Павел говорит о себе. В таком случае, заявив, что он «не иначе узнал грех, как посредством закона», Павел приводит конкретный пример: «Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: “Не пожелай”» (ст. 7г). Заповедь не желать чужого числится в Десяти заповедях под десятым номером (Исх. 20:17).

Греческий термин для «пожелания» в Рим. 7:7г—*эпифимиа*. В Новом Завете это слово обычно означает греховное, порочное желание² (в Рим. 1:24 «похоти»). Согласно Брюсу, оно обычно указывает на «желание в такой степени эгоистичное, что занимает в душе человека место, которое должно принадлежать одному только Богу».

Павел цитирует не всю заповедь из Исхода. Его интересует не объект вождления, а общий принцип неуёмного желания иметь *что бы то ни было*, помимо Бога.

Заповедь не пожелать идеальным образом соответствовала цели Павла в его аргументации. Во-первых, это была единственная заповедь, конкретно нацеленная исключительно на сердце. Другие заповеди можно было исполнять (по крайней мере поверхностно) внешними действиями, но только не эту.

¹Некоторые проблемы в связи с этой позицией—особенно это касается последней части главы—мы обсудим в следующем уроке.

²Слово «желание» встречается и в других местах Послания к римлянам, где оно означает хорошее желание (см. 9:18; 10:1). Однако там употреблено другое греческое слово.

Кроме того, эта заповедь нацелена на борьбу с источником всякого греха—*эгоизмом*. Говорят, что желание иметь противоположно любви. Такое желание эгоистично, а любовь «не ищет своего» (1 Кор. 13:5). Желание стремится *получить*, а любовь—*дать* (см. Ин. 3:16).

Вдобавок, эта заповедь обращается к одному из наиболее *обольстительных* (обманчивых) грехов (см. Рим. 7:11). Если человека не информировать о том, что такое сильное желание и какую оно представляет угрозу, то можно подумать, что это «естественное» и «нормальное» чувство. Разве не естественно *хотеть* чего-то?

Закон открыл Павлу, что такое желание и какова его природа: желание есть грех. Так что же, получается, что он таким образом *вызывал* в нём «всякое пожелание»? Нет, виновником был не закон, а *грех*—как Павел незамедлительно и указывает: «Но *грех*, взяв повод от заповеди, произвёл во мне всякое пожелание³» (ст. 8а; выделено мной—*Д.Р.*). «Грех» персонифицирован как «агент», толкающий нас на неповиновение Богу. Мы понимаем, что фактически этим агентом является дьявол (см. Еф. 6:11; 1 Пет. 5:8), но цель Павла—противопоставить «закон» и грех» (ст. 7, 12, 13). Поэтому он сосредоточивает внимание на том, что делает грех.

Заповедь «не пожелай» не заставляла Павла желать неподобающего, но грех «нашёл *повод*, чтобы воспользоваться этой заповедью» (СП), чтобы произвести всевозможные желания. Павел пользуется военной терминологией, отражающей духовную битву, которую мы ведём (см. Еф. 6:10–13). Слово «повод» (греч. *аформа*) по-гречески означает «отправную точку»; оно использовалось для обозначения «плацдарма для ведения военных операций». В Рим. 7:8 Павел утверждает, что «закон предоставлял греху плацдарм для нападков на душу» (Вайн).

Используя закон в качестве «плацдарма», грех осуществлял нападки на Павла и производил в нём «всякое пожелание»—не просто иметь то, что имеет сосед, но иметь много и разного. Вот так грех использовал закон для своих целей.

Как грех делал это? Мы уже говорили, как закон возбуждал греховные страсти: он привлекал внимание к греху; он придавал определённую привлекательность греху; он провоцировал прирождённое чувство сопротивления; он взывал к желанию некоторых испытать волнующее чувство «опасности». Однако мы не должны думать, что простое существование

³В СП сказано: «всякого рода желания того, что не подобает».

повеления всё это делает автоматически. Нет, за всем этим стоит грех (сатана), который *использует* повеление для достижения этих результатов. Например, когда змей (сатана; 2 Кор. 11:3) пришёл к Еве, он сначала привлёк внимание к Божьему повелению (Быт. 3:1). Он намекнул, что Бог несправедлив, что Он пытается утаить от Адама и Евы нечто желанное (ст. 4, 5). Змей сделал непослушание заманчивым (ст. 5, 6). И результатом стало неповиновение (ст. 6).

Но давайте вернёмся к нашему тексту: «Ибо без закона грех мёртв» (ст. 8б). Поскольку «грех есть беззаконие» (1 Ин. 3, 4), то если нет закона, нет и греха. Никто не может нарушить несуществующего закона. И снова хорошей иллюстрацией будет Эдемский сад. Пока Бог не дал повеления Адаму и Еве, у змея (сатаны) не было основания, на котором он мог бы соблазнить их.

Павел продолжает: «Я жил некогда без закона» (ст. 9а). Толкователи теряются в догадках, когда это Павел «жил без закона». Проблема в том, что многие из них поддерживают ошибочное верование, что дети рождаются в некотором роде запятанными грехом Адама. Для тех, кто стоит на библейской позиции, что дети не наследуют вины Адама, есть простой способ понять этот отрывок: как и все младенцы, Павел родился чистым и святым («живым» для Бога), совершенно не знающим закона («без закона»). В этот момент грех был для него «мёртв», а он—«жив».

Затем мы читаем, что «пришла заповедь» (ст. 9б). Как и все иудейские мальчики, Павел учил закон Моисея (см. 2 Тим. 3:15а). В определённый момент у него развилось нравственное сознание, и он стал подотчётен Богу.

...он достиг зрелости, когда взял на себя ответственность соблюдать повеления закона. Он надел ярмо закона, как современный иудейский мальчик проходит обряд *бар митцва* [обычно в 13 лет] и становится «сын-ном заповеди» (Ричард Бейти).

«Когда пришла заповедь,—говорит Павел,—то грех ожил, а я умер» (Рим. 7:9в, 10а). Когда он был ребёнком, грех был мёртв, а он был жив, но когда он достиг возраста, при котором

отвечают за свои поступки, грех «ожил», а он умер духовно.

«Заповедь» была дана «для жизни» (ст. 10б; см. Лев. 18:5; Рим. 10:5), но для Павла она имела иной результат. Он говорит: «и таким образом заповедь, данная для [продолжительной духовной] жизни, послужила мне к [духовной] смерти [когда я не исполнил заповедь]» (7:10).

Означало ли это, что в заповеди было что-то не так? Нет, сама заповедь была хорошей—но грех (сатана) *использовал* её для плохих целей: «потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня» (ст. 11а). В стихе 8 Павел говорит, что грех использовал заповедь как «плацдарм» для всякого рода непотребных желаний. В стихе 11 он употребляет тот же термин и говорит, что грех использовал заповедь, чтобы *обольстить* его.

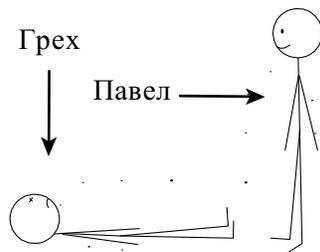
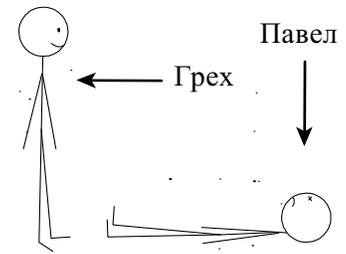
Греческое слово *εξαπαταω*, переведённое глаголом «обольстил», состоит из слова, означающего «обманывать, вводить в заблуждение, обольщать» (*απατο*), и усилительной приставки *εκ*. Оно «означает «обманывать *совершенно, полностью*» (Вайн).

Моррис отмечает, что «в искушении всегда присутствует некий элемент обмана, обольщения».⁴ Если бы грех не скрывал свою истинную природу и конечные результаты, то никто и никогда не захотел бы грешить. В одном комментарии отмечается, что грех «исполнен лживых обещаний и обмана»:

- Грех всегда обещает в следующий раз ещё больше удовлетворить наши желания, чем в предыдущий.
- Грех обещает, что наши действия останутся в тайне и никто не прознает о них.
- Грех обещает, что нам не придётся переживать из-за последствий.
- Грех обещает особые награды: мудрость, знание и опыт.
- Грех обещает власть и авторитет в обмен на сотрудничество.

Что касается собственного опыта Павла, то грех (сатана) обольстил его, уверив, что он сможет обрести праведность и жизнь, исполняя Моисеев закон (Фил. 3:4–7), а также внушив ему

⁴В Отк. 12 о сатане говорится: «обольщающий всю вселенную» (ст. 9; см. 2 Кор. 2:11; 11:14; Еф. 6:11).

мысль, что, подвергая христиан гонениям, он служит Богу (Деян. 26:9), хотя в действительности этим он делал себя первым из грешников (1 Тим. 1:15). Поэтому Павел и говорит, по сути: «Грех умертвил меня заповедью» (Рим.7:11б). Его умертвил именно *грех*, а не закон.

Очерченную Павлом последовательность можно кратко выразить следующим образом. (1) Некогда (когда он был ребёнком) он «жил». (2) Затем, когда он узнал закон, «пришла заповедь». (3) Целью закона было дать ему долгую жизнь. (4) Однако грех использовал закон, чтобы его обмануть. (5) Обманутый грехом, он нарушил закон. (6) Результатом стала духовная смерть. Такой была последовательность развития жизни Павла—такова она и в жизни каждого человека, вступившего в сознательный возраст.

Эту последовательность отражает история Адама и Евы. (1) До Божьего запрета они были «живы». (2) Затем «пришла заповедь»; Бог сказал: «От всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт. 2:16, 17). (3) Целью заповеди было позволить им и дальше жить: до тех пор, пока они будут слушаться Бога, они смогут есть от дерева жизни. (После того, как они согрешили, это было им запрещено [Быт. 3:21]). (4) Однако грех (сатана) использовал эту заповедь, чтобы обмануть Еву (3:1–5; см. 2 Кор. 11:3; 1 Тим. 2:14). (5) В результате Адам и Ева ослушались Бога (Быт. 3:6). (6) Итогом была смерть—физическая и духовная (3:24; 5:5; см. Ис. 59:1, 2).

Теперь Павел готов сделать вывод: «Итак, закон свят, и заповедь⁵ свята, и праведна, и добра» (Рим. 7:12). Если стихи 7–12 прочитать быстро, особо не задумываясь над ними, то стих 12 может вызвать удивление. Возникает мысль: «Минуточку! Только что Павел говорил нам, как грех использовал закон для обольщения, обмана людей и заставлял их делать всякие плохие дела! А теперь вдруг он заявляет, что закон *добр*». Не забывайте, что в стихах 7–12 Павел *защищает* закон. Ранее он подчёркивал, что убивает не Закон, а *грех* (см. ст. 13). Поэтому он спешит заявить, что «закон [сам по себе] свят, и заповедь свята, и праведна, и добра».

«Закон свят [*хагиос*], и заповедь свята», потому что их дал святой Бог. «Заповедь... пра-

⁵Слова «закон» и «заповедь» Павел, вероятно, использует взаимозаменяемо. Отличие между ними может быть лишь в том, что «закон»—это весь свод законов, а «заповедь»—его отдельная часть.

ведна [*дикайос*]», потому что она бесконечно справедлива и беспристрастна. «Заповедь... добра [*агафос*]», потому что она дана, чтобы благословить человечество. Стих 12—это решительный ответ Павла на вопрос в стихе 7: «Неужели от закона грех?» Нет, нет и нет. Напротив, он «свят, и заповедь свята, и праведна, и добра».

В стихе 13 подводятся итог стихов 7–12. Он начинается со знакомого нам формата «вопрос–ответ»: «Итак, неужели доброе [заповедь] сделалось мне [в духовном смысле] смертоносным?» (ст. 13а). И снова одно только предположение повергает его в шок, и он восклицает: «Разумеется, нет!» (ст. 13б; СП),

Павел ещё раз подчёркивает, что настоящий враг не закон, «но грех» (ст. 13в). Закон только обличал грех и показывал его истинную природу: «Грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго [заповеди] причиняет мне [духовную] смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди» (ст. 13г). Позвольте выразить это проще: закон и его заповеди были даны, чтобы люди могли увидеть и понять, как в действительности «крайне грешен» грех.

Насколько грешен грех? Настолько грешен, настолько растлен, настолько злобен, что смог взять святой, праведный и добрый закон и использовать его для несвятых, неправедных и недобрых целей. Уильям Баркли пишет:

Страшная сущность греха проявляется в том, что он смог взять что-то прекрасное и сделать это орудием зла. Именно так грех и поступает. Он может взять чудо любви и превратить его в похоть. Он может взять благородное желание иметь независимость и обратить его в неуёмную страсть к деньгам и власти... Он может взять всё самое привлекательное и замарать своим оскверняющим прикосновением.

Беспредельная милость Бога такова, что Он может зло обратить в добро (см. Быт. 50:20), тогда как крайняя греховность греха такова, что он может добро обратить в зло.

Если проблема не в законе, тогда в чём?

Павел категоричен в том, что источник проблем человечества не закон. В стихе 14 он вновь заявляет, что это так: «Ибо мы знаем, что закон духовен» (ст. 14а). Он снова на мгновение переходит к первому лицу множественного числа («мы»), чтобы встать в один ряд с теми, кто высоко ставит закон. Закон духовен (*пневматикос*), потому что его источник—Божий Дух

(*Пневма*) (см. 2 Пет. 1:21).

То, что Павел сказал о законе, он не мог сказать о себе: «А я плотян [*саркинос*], продан греху» (Рим. 7:14б; выделено мной—*Д.Р.*). Стих 14 мы обсудим в следующем уроке, а здесь он включён для того, чтобы выделить мысль Павла: проблема была не в законе, а в нём. Заповеди закона были святы, праведны и добры—но он не мог их исполнить в совершенстве. Поэтому закон неизбежно осуждал его как нарушителя закона, грешника.

Представьте, что вы на уроке рисования.⁶ Перед классом ставят картину—великий шедевр—и дают задание сделать копию. Вы смешиваете краски и накладываете их на холст. Вы трудитесь над картиной, прилагаете всё своё мастерство. И всё же картина на вашем холсте—*ничто* по сравнению с той, которую вы пытаетесь скопировать. Означает ли это, что шедевр содержит изъян? Нет, проблема—в вас, в ваших ограниченных способностях.

Так и закон был выставлен перед Павлом во всей своей святости, праведности и благодати—а Павлу велено было «копировать» его (исполнять его повеления). Он старался изо всех сил, делал всё от него зависящее, и всё равно результаты были плачевными. Виноват был не закон, а ограниченные возможности Павла.

Далее до конца главы мы будем говорить об усилиях Павла, когда он был под законом,—и его отчаянии, когда он старался делать всё правильно, уповая лишь на себя. Это отчаяние выражено в стихе 24: «Бедный я человек! Кто избавит меня от этого тела смерти?» А в следующем стихе от отвечает на свой же вопрос: «Благодарю Бога моего [за моё освобождение] через Иисуса Христа, Господа нашего» (ст. 25а).

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ ТЕКСТА

Последние стихи Рим. 7 мы рассмотрим в одном из следующих уроков. А сейчас я хочу ещё раз остановиться на стихах 1–14 и сделать практические выводы относительно христианина и закона.

Помните, что в первую очередь Павел имел в виду закон Моисея (см. ст. 7);⁷ но, как обычно, сказанное применимо и в более широком смысле, нежели сугубо в рамках Моисеева за-

⁶Измените пример в соответствии с вашей культурой: представьте, что вас просят сделать копию с оригинала, на создание которого потребовались годы учёбы и приобретения навыков.

⁷В контексте стихов 7–13 «заповедь» конкретно означает заповедь не желать чужого.

кона. В нашем тексте Павел иногда использует слово «закон» с определённым артиклем (ст. 7 [дважды], 12, 14),⁸ а иногда без него (ст. 7–9). Поэтому давайте подумаем как о законе Моисея, так и о законе вообще.

Закон не плох

Вначале я хочу отметить, что сам по себе закон не плох. То, как Павел говорил о законе вообще и о законе Моисея в предыдущих главах, может оставить впечатление, что Павел говорит, что закон плох. В главе 7 он утверждает, что закон *добр* (ст. 12). Закон *не* грех; законом *обнаруживается* грех (ст. 7).

Когда врач говорит, что больному срочно нужна операция на сердце, разве это он виноват, что у пациента проблемы со здоровьем? Когда яркий свет обнаруживает грязь и мусор, означает ли это, что причиной беспорядка является свет? Когда я становлюсь на весы и стрелка показывает больше, чем я должен весить, означает ли это, что в моём избыточном весе повинны весы? В нашем тексте Павел подчёркивает, что целью закона было обнаружить грех. Это не делало его ответственным за грех.

Нам нужен закон

Некоторые полагают, что проблему греха можно решить, отменив закон, который обличает грех. Но если бы не было врача, обнаружившего заболевание в сердце человека, сделало бы это его здоровым? Если бы не было света, обнаружившего грязь, разве бы от этого она исчезла? Если бы я сломал все весы на свете, разве это решило бы проблему моего веса?

В нашем тексте Павел утверждает, что нам *нужен* закон. Нам нужен закон вообще. Ричард Роджерс пишет: «Мы должны быть благодарны за закон, потому что он упорядочивает жизнь»; он «защищает жизнь». Без закона были бы только анархия и беспорядок. Беззаконное общество—это саморазрушительное общество. Но более всего нам нужен *Божий* закон. Божий закон (1) обнаруживает природу и сущность Законодателя, (2) придаёт смысл и цель нашей жизни, (3) показывает нам путь, которым мы должны следовать, и призывает нас оставаться на этом пути и (4) говорит о наградах за послушание и наказаниях за неповиновение.

Многие люди восстают против ограничений закона, но Божьи законы были даны для нашей защиты. Когда я жил на ферме, мы устанавли-

⁸Термин «заповедь», когда имеется в виду «закон», в греческом тексте *всегда* употребляется с определённым артиклем (ст. 8, 9, 10, 11, 12, 13).

вали ограды для содержания скота. Ограды защищали животных. Ограда не позволяла телятам забрести на дорогу, где их могла сбить машина. Ограда не давала корове зайти на поле с люцерной, где она могла съесть слишком много и серьёзно заболеть. Некоторые животные бунтовали против таких ограничений и перепрыгивали через ограждения. Я не раз видел, как отец протыкал ножом раздутый живот коровы или лошади, чтобы выпустить из него воздух и спасти им жизнь.

Божьи законы добры и необходимы. Они были даны, чтобы помочь нам и спасти нас.

Мы не связаны законом Моисея

Говоря, что «нам нужен закон», я должен пояснить, какой закон я имею в виду. Наш текст ясно говорит, что сегодня никто не связан законом Моисея.⁹ В Послании к галатам Павел объяснил, что закон был дан для временных целей, которые он исполнил (см. 3:19, 23–25). В Послании к римлянам его подход иной: он выделяет тот факт, что закон не может спасти (см. Рим. 3:20a). В то же время он без колебаний заявляет, что после смерти Иисуса люди больше не связаны законом Моисея.

Просмотрим ещё раз первую часть Рим. 7. Павел говорит: «Так и вы, братья мои, умерли для закона телом Христовым» (ст. 4a). И еще: «Но ныне, умерев для закона, которым были связаны...» (ст. 6a). Его учение здесь согласуется с другими местами в Новом Завете, где говорится, что Божий завет с иудеями исполнен и упразднён (см. Кол. 2:14; Еф. 2:14, 15; Евр. 7:11–22; 8:7–13; 9:1; 10:9, 10).

Иногда высказывается мысль, что *гражданские* предписания закона Моисея аннулированы, а его *нравственные* принципы по-прежнему действительны. Дуглас Моо называет «освящённое веками разграничение на гражданский, культовый и нравственный закон» «спорным». Он говорит: «Иудеи никогда не делили закон таким образом, и свидетельство из Нового Завета, что это делали ранние христиане, практически отсутствует». Основная проблема с разделением закона на гражданский и нравственный состоит в том, что оно допускает неправильное употребление или даже подтасовку. Например, утверждение, что Десять заповедей являются сердцевинной нравственного закона, делает закон о субботе по-прежнему обязательным (см. Исх. 20:8–11). Лучше вспомнить об основных нравственных принципах, которые существо-

⁹Язычники, не ставшие прозелитами, *никогда* не были связаны законом Моисея, даже в ветхозаветные времена.

вали ещё до передачи закона (см., например., Быт. 9:6). Такие принципы сначала были включены в закон Моисея, а позже вошли и в новый завет Иисуса.

В Рим. 15:4 Павел говорит, что «всё, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду». Когда мы приступим к изучению этого отрывка, я остановлюсь на христианском использовании Ветхого Завета. Часто, чтобы понять новозаветные нравственные принципы, полезно бывает посмотреть их определение и демонстрацию в Ветхом Завете.

Мы всё равно подчинены закону

Некоторые в понимании учения Павла о законе идут дальше, чем он вкладывал в него. Они говорят: «Мы освободились не только от закона Моисея, но и от *всякого* религиозного закона вообще». Хотя мы действительно не под *системой* закона/дел, это не означает, что Бог не дал нам никаких законов, которые мы должны исполнять, или что мы не обязаны подчиняться Его законам.

Сегодня некоторые испытывают отвращение к слову «закон», но Павел и другие новозаветные авторы использовали его без колебаний (см. 1 Кор. 9:21; Гал. 6:2; Иак. 1:25). Ещё некоторым не нравится идея подчинения «заповедям», но Иисус сказал: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди» (Ин. 14:15), Павел напомнил коринфянам, что «важно лишь соблюдение Божьих заповедей» (1 Кор. 7:19b; РБО). Одной из целей первого письма Иоанна была борьба с антиномизмом (верой в необязательность соблюдения законов/заповедей) (см. 1 Ин. 2:3, 4; 3:22, 24; 5:2, 3).

Законы, которым мы сегодня подчиняемся, находятся в Новом Завете Иисуса. Это тот новый завет, который предсказал Иеремия (Иер. 31:31–34; см. Евр. 8:7–13), завет, который вошёл в силу, когда Иисус умер на кресте (см. Евр. 9:16, 17).

Закон не спасает, не может спасти нас

Мы подчиняемся законам, записанным в Новом Завете, но нужно понимать, что никакой закон—даже новозаветный—не может спасти нас. Закону вообще не свойственно спасать. Он может дать определение греху, но не может устранить его. Он может обнаружить грех, но не может дать средство от него. Он может осудить грех, но не может утешить грешника. Вспомните пример со светом: свет закона может высветить трещины и щели в

нашей жизни, но не может заделать их. Свет закона может обнаружить грязь, скрытую в тёмных уголках нашей жизни, но не может устранить её.

Так как закон может указать нам на нашу греховность, но не в состоянии устранить нашу вину, можно добавить ещё одну цель передачи Богом закона человечеству: заставить людей искать спасение в другом месте—и в частности внушить нам, что мы отчаянно нуждаемся в Его благодати. Павел говорит, что закон Моисея был дан для того, чтобы привести людей к Иисусу (см. Гал. 3:24). В некотором смысле цель всякого богоданного закона—нацелить души на Иисуса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В следующих двух уроках мы подробнее остановимся на Рим. 7. А этот урок позвольте закончить несколькими вопросами:

- Вы цените тот факт, что Бог проявил такую заботу о вас, что дал вам законы, дабы они вели вас по жизни?

- Вы понимаете, что сегодня мы под Новым Заветом Христа, а не под законом Моисея?
- Вы ясно осознаёте, что мы не можем спастись одним исполнением законов и что мы спасаемся Божьей благодатью?
- Вы понимаете, что Иисус велел вам сделать, чтобы принять Божью благодать (Ин. 3:16; Лк. 13:3; Мф. 10:32; Мк. 16:15, 16; Ин. 14:15)?
- Вы *сделали* то, что просил вас сделать Иисус?

ПРОПОВЕДНИКАМ И УЧИТЕЛЯМ

Можно сделать сравнительную таблицу, в которой будет показано, как грех убил Адама, как он убил Павла и как он убивает нас. Вот другой подход к практическому разделу данного урока, предлагаемый Ларри Дисоном: «Возвышение природы закона»; «Объяснение цели закона»; «Разоблачение слабости закона».